

П. СОЛОВЬЕВА (Allegro)

БОЧЕНОК

**ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА 1923 ПЕТРОГРАД**

-34

с-603

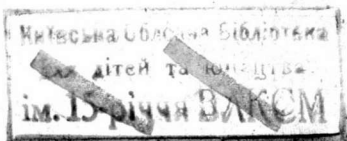
П. СОЛОВЬЕВА
(Allegro)

БОЧЕНОК

ДВЕ СКАЗКИ ДЛЯ ДЕТЕЙ

80146

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА 1923 ПЕТРОГРАД

Клише на дереве, набор и печать
исполнены учениками Школы
Фабзавуча «Мосполиграфа», Пят-
ницкая, 71. Тираж 5000 экзempl
Гиз № 3403. Главлит № 6602.

94408

1957-58 г.

НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА
ДОМА ДЕТСКОЙ КНИГИ
ДЕТГИЗА

БОЧЕНОК.

Расскажу-ка я вам сказку про боченок.
Жил в одной деревне бедный мужичонок.
У него была сварливая жена,
И не то, чтобы особенно умна,

А по-своему все делать норовила,
Мужа бедного за все, про все бранила,
А случалось, говорили, и драла.
Словом, баба очень нравная была.
Раз набросилась, кричит: „Сидишь без дела!
Мне одной работать больно надоело.
Вот снеси скорей на мельницу зерно,
Ведь смолоть его уж надо бы давно.“
Мужичок пошел, смолот муку немножко,
А как шел назад, вдруг ветер на лукошко
Налетел, рванул и всю муку, как есть,
Разбросал. Мужик хотел было присесть
Подобрать. Взглянул, да и махнул рукою:
Ветер закрутил и пыль смешал с мукою.
Вот, пришел домой. „Давай муку скорей!“
— „Нет тебе муки: рассыпал суховей.“
Гвалт в избе тут поднялся, как в день
Содома.

„Нет муки, так и тебе нет места дома.
Ветер тот сыщи, что мне муку разнес,
Без муки и не кажи в избу свой нос.“
А мужик жене ни в чем не прекословит.
Прочь пошел и в чистом поле ветер ловит.
Да затихло в поле: ветер, зная, исчез,
И пошел мужик искать тот ветер в лес.
Нет его и там, и тихо дремлют ели;

Спят грибы на моховой своей постели;
Только булькает по камешкам ручей:
„Плек, ты кто? Плик-плек, откуда? Плек,
ты чей?“

Уж давно нет ни дороги, ни тропинки,
Только пни да кочки, ели да осинки.
„И куда меня вы, ноги, занесли?“
Вдруг избушка словно встала из земли
Средь корней. Не больше кучи муравьиной.
Тихо вертится на лапочке куриной,
И окошечко сверкает, как глазок.
Ей мужик поклон отвесил: „Теремок!
Повернись ты на своей куриной ножке,
Повернувшись, подожди меня немножко,
Дай взойти мне на точеное крыльцо,
Дай ты взяться мне за медное кольцо.“
И послушалась избушка, повернулась.
Дверь сама пред мужичонком распахнулась,
И старушка на лежанке поднялась.
„Кто пришел? Сынок, не ты ли это, ась?“
Мужичок снял шапку, низко поклонился
И лесной старушке жалобно взмолился:
„Ох, устал я, лапоть валится с ноги!
Ты мне, бабушка, будь доброй, помоги!
Я пошел не по своей, по бабьей воле.
Ветер, вишь, мою муку развеял в поле,

И жена велела ветер мне сыскать,
Без муки в избу не хочет и пускать.
Я искал тот ветер долго в поле чистом,
И словами вызывал его, и свистом.
Нет нигде. Не утруждай себя, лежи,
Только к ветру мне дорогу укажи.“
Засмеялась тихо бабушка лесная:
„Ветер ищешь ты, куда итти не зная.
Только случай, знать, тебе помог,
И нашел ты путь, не ведая дорог.
Ветров мать я. Под дремучими ветвями
Здесь живу я со своими сыновьями.
Каждый ветер улетаёт, чтобы дуть,
А устанет — и примчится отдохнуть.
Разметал твою муку мой сын полдневный.
Шутки любит он шутить, а сам не гневный.
Ты на лавку сядь, закройся зипуном:
Затрясешься, как заденет он крылом;
Но и малый пристыдить его сумеет,
И готов он всем отдать все, что имеет.“
Поклонился мужичонка, сел и ждет.
Вдруг он слышит, будто по лесу гудет.
Ближе, ближе! Распахнулись настеж двери,
Словно птицы свищут, словно воют звери.
Все в избушке заходило ходуном.
Задрожал мужик, прикрылся зипуном.

А старушка строгим голосом сказала:
„Здравствуй, сын! А я недоброе слыхала
Про тебя. За что обидел мужика?

С пылью смешана зачем его мука?
Сам ты в поле не работал и не сеял,
Так зачем у бедняка муку развеял?“

Отвечает Ветер матери своей:

„Обижать не раз случалось мне людей,
И по всей земле моя известна сила,
Но до сей поры меня ты не бранила.“

А старушка сыну буйному в ответ:

„Облетаешь ты, дитя, весь белый свет,
Возвращаешься, то плача, то ликуя.

За тобой следить повсюду не могу я.

А сегодня, вот, пришел к нам мужичок;

Так устал, что под собой не чует ног.

И хотел бы получить муку обратно.“

— „Пусть не плачет: награжу его я

знатно, —

Ветер свистнул: „ — Обижать я не хочу,
За муку ему боченком заплачу.

А с боченком этим хлеб ему ненужен:

Из него обед получит он и ужин.

Только скажет: „Дай, боченок, мне поесть!“

Поглядит — и все готово, все тут есть.“

Мужичонок поклонился Ветру низко:

„Благодарствую. Итти - то мне не близко,
А в лесу не мало тропок и дорог.
Лучше засветло пойду. Спаси вас бог!“
И пошел, понес чудесный свой боченок.
Только голоден был очень мужичонок
И подумал: „Испытаю - ка его,
Ведь с утра не ел я ноне ничего.“
Сел на пень он и сказал не очень смело:
„Ну, боченок, принимайся - ка за дело!
Дай скорее и попить мне и поесть.“
Чуть успел он приказанье произнести,
Как пригожие два парня появились,
„Здравствуй!“ молвили и низко поклонились,
Браной скатертью накрыли длинный стол;
И чего только на нем он не нашел!
Знал о кушаньях таких он по наслышке.
С блюд серебряных снимали парни крышки,
Наливали в чарки вина, пиво, мед,
И хватило бы всего на целый год.
Понаелся, понапился мужичонок.
„Ну, теперь скорее все назад в боченок!“
Крикнул он, и все исчезло: парни, стол;
Встал он с пня и поскорей домой пошел.
На пороге баба грозно ожидала.
„Что замешкался? Тебе муки, знать, мало:
Захотел еще и время растерять!“

А мужик ей: „Погоди ругаться, мать!
Вот боченок“... — „Мне боченок твой
не нужен.“

А мужик присел на лавку: „Дай нам ужин!“
Крикнул он, и оба парня тут, как тут.
Стол накрыли, вина, кушанья несут.
Замолчала баба, что сказать — не знает.
В чарку льет да на тарелку подбавляет.
В это время ехал барин мимо них.
„Не едал и барин кушаньев таких.
Позови его, пусть знают все соседи,
Что сам барин у Трофима на беседе.“
Замахал мужик руками: „бог с тобой!
Барин наш и привередливый и злой.“
„Как попьет, поест,— так сразу похорошеет,
Ничего, чтоб наградить, не пожалеет.“
„И не шли, и николи я не пойду:
Наживешь с ним только лишнюю беду.“
Да не справишься никак с дурною бабой.
Мужичонок был сговорчивый и слабый
И, поспорив, уступил ей наконец.
Вышел. „Стой, держи! Будь милостив, отец!
Посещеньем осчастливь избенку нашу.
Не кажинный день мы варим щи и кашу,
Да такой нам ужин нынче случай дал,
Что и ты такого часто не едал:

Скатерть браная, серебряные блюда "...
— „Что такое? — молвил барин. — Что за
чудо!

Кучер, стой! Поесть готов я, отчего ж!
Любопытно посмотреть, коль ты не врешь.“
И в избу вошел. Стал ахать и дивиться,
Пил и ел, не мог довольно нахвалиться.
И мужик, и баба ели вместе с ним.
„Ничего, садись, хозяйка, сядь, Трофим!“
Только барин все хотел понять, откуда
В их избенке появилось это чудо.
Был хитер он и догадлив, на беду,
И смекнул, что парней, стол и всю еду
Вызывает неимущий мужичонка,
Лишь попросит, из чудесного боченка.
Кончен ужин. Гость встает из-за стола.
„Ну, хозяйка, ты приветлива была.
Очень рад я, что меня ты пригласила:
Этот стол, посуда — все это премило.
И Трофим твой — настоящий хлебосол.
Время с вами презанятно я провел.
Но теперь пора мне ехать; до свиданья,
Два целковых вам на память, в знак вни-
манья,
Я дарю. Слуга, боченок захвати.
Не держи меня, Трофим: пора итти.“

— „Не бери ты наш боченок, ради бога, Барин-батюшка!“ Но барин крикнул строго. „Для меня боченка смеешь ты жалеть? Позабыл, должно-быть, что такое плеть! Ах, ты, раб, неблагодарное создание! Так-то платишь ты за барское вниманье!“ Топнул ножкой и, не тратя лишних слов, Дверью — хлоп! В карету сел и был таков. Напустилась на Трофима баба злая: „Будь мужик я, ни за что б не отдала я. Простофиля, размазня ты и слюнтяй! За боченком к ветру тотчас же ступай. Ой, я бедная! Да горько, да обидно!“ — „А куда же мне итти? Темно, не видно. Полно, баба!..“ — „Разрази тебя гроза! Без боченка не кажись мне на глаза! Не впущу тебя и двери не открою“. Повздыхал мужик: „Ох, тяжело с бабой злою. Что поделаешь?“ В затылке почесал, Глянул на небо и к лесу зашагал. Ночью темною до ветровой избушки Добрался он. Рассказал беду старушке. А она ему: „Полдневный ветер спит. Только к полдню он будить себя велит. Лучше сына полуночного спрошу я. Слышишь, носится он по лесу, бушуя?

Днем он спит, а по ночам не знает сна “.
И вскричала ветру буйному она:
„Гой ты, сын мой, гой ты, Ветер темно-
крылый,
Знаешь много ты, владеешь дивной силой.
Царь ночных полей, и леса, и воды,
Выручай ты человека из беды! “
Загудело все вокруг и задрожало,
Ветр примчался. Мать ему и рассказала,
Как боченок барин силою увез,
А мужик в избу боится сунуть нос.
Ветер выслушал, нахмурился сначала,
А потом лицо его светлее стало.
Засвистел он, вихрем круто завился,
И откуда-то боченок вдруг взялся.
— „Вот, бери! “ — смеется Ветер звонко -
звонко. —

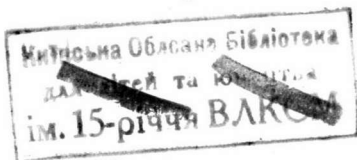
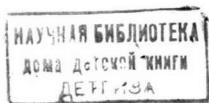
Этот лучше даже прежнего боченка.
Никому не отдавай его, смотри.
А теперь ступай - ка с богом. Раз, два, три! “
Мужичонок ветру низко поклонился
И с боченком по тропинке припустился.
Да устал, присел под елью на пенек.
„Закушу “, — подумал, — „путь еще далек.“
Руки в боки, да и крикнул громко, смело:
„Эй, боченок, принимайся - ка за дело! “

Только крикнул — оба парня тут, как тут,
И у каждого в руках здоровый прут.
Да как начали они махать прутами,
Он волчком и закружился между пнями.
А они за ним вдогонку, хлещут знай,
Да твердят: „Злой бабе воли не давай!“
Завопил мужик: „Держать я буду строго,
Только вы-то отпустите, ради бога!
Ты запишись, боченок, буду я умен.“
Парни сразу и пропали, словно сон.
А мужик пошел. Был дома утром рано.
„Что ж, достал?“ — „Достал, я врать не
стану.“

Вишь, не даром я шагал в лесу всю ночь:
Ветер добрый захотел опять помочь.
Вот, гляди сама.“ А баба поглядела
И кричит: „Скорей, боченочек, за дело!“
Чуть сказала — оба парня тут, как тут.
Да как прутьями учить ее начнут!
И твердят одно: „Не будь ты, баба, злою,
Будь сговорчивой и доброю женою!“
Баба пала мужу в ноги. — „Муженек,
Перед истинным я тебе даю зарок,
Ты внемли слезам моим и стону,
С этих пор тебя и пальцем я не трону.
Браных слов ты не услышишь от меня,

94408

За работою не буду видеть дня.
Только, женушку несчастную жалея,
Убери ты этих парней поскорее,
Чтоб опять они хлестать не принялись “.
И мужик сказал: „Боченок, затворись!“
Вмиг исчезли оба парня и с прутами.
Пообедали они пустыми щами,
И пораньше лег мужик, чтоб отдохнуть,
А на утро и с боченком — снова в путь.
Прямо к барину приходит. Стал в прихожей.
Вышел барин и спросил, как можно строже,
„Ты чего? Иль все боченка не забыл?
За него тебе я деньги заплатил“.
— „Что ты, батюшка, какие же тут счета!
Вишь, напала на жену мою охота
Подарить тебе боченочек второй.
Он чудесный тоже, вовсе не простой.
И, пожалуй, будет первого дороже:
Слово скажешь, и летит к тебе одежда,
Да какая: бархат, шелк и кружева.
Ну, у бабы закружилась голова,
А потом и говорит: „Где ж над корытом
В платье бархатном, да золотом расшитом,
Мне стоять, или тебе дрова рубить.
Коль продать бы их — богатым можно быть,
Да не купят, станут спрашивать: „Где взяли?“

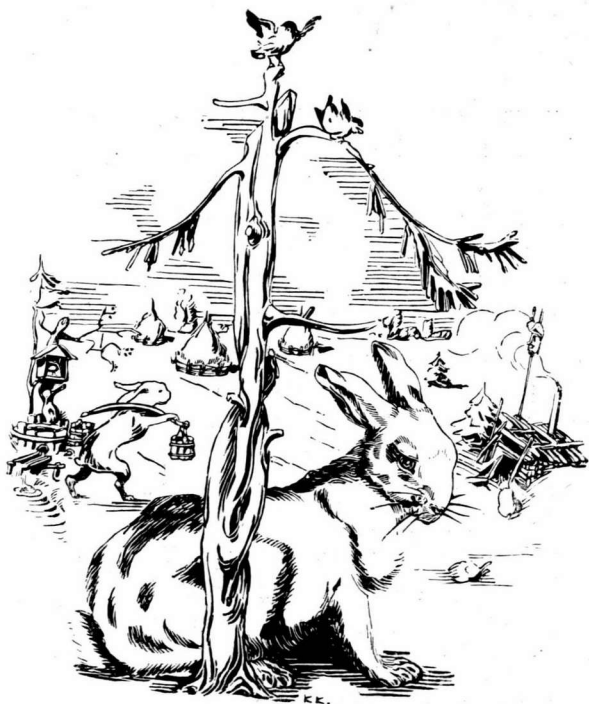
Не поверят правде, скажут: „Вы украли.
Где достать вам шелк, да бархат, да меха!“
Лучше барину боченок от греха
Отнеси. Ему он, знамо, пригодится“.
— „Если мех есть: чернобурая лисица,
Соболя, бобер седой, — что ж, я не прочь
И готов тебе с женой твоей помочь“, —
Молвил барин. — „Мы пройдем ко мне
в покои.

От прислуги я боченок этот скрою,
И про чудо вовсе им не надо знать:
Станут платье дорогое воровать“.
Вот вдвоем они. Мужик и крикнул смело:
„Принимайся - ка, боченок, ты за дело!
Хоть и барин — не мешает поучить,
Как не надобно чужое увозить“.
Парни выскочили, барина побили
И при этом очень строго говорили:
„Помни, барин, эта заповедь стара:
Не бери себе мужицкого добра.
Помни, помни: сам себе ты будешь вреден,
Коли станешь обижать того, кто беден“.
Барин кубарем кружился по ковру
И кричал: „Мужик, спаси, не то умру!
Дам тебе боченок твой и денег много,
Только парней убери ты, ради бога!“

— „Эй, боченок, затворись!“ — сказал мужик. —

„Вижу, барин, ты к побоям не привык.
Денег брать с тебя не стану за ученье,
А боченки захвачу. Мое почтение!“
Поклонился и ушел к себе домой.
Там он зажил, припеваючи, с женой.
Им боченок и обед давал, и ужин,
А второй боченок стал совсем не нужен,
И они его в семью отдать хотят,
Где есть много непослушных злых ребят.

ГЕРОЙ.

1.

Недалеко от леса, в поле,
Разумно, мирно и на воле
Жил заяц Тишка, славный малый,
Хотя не то, чтобы удалый:

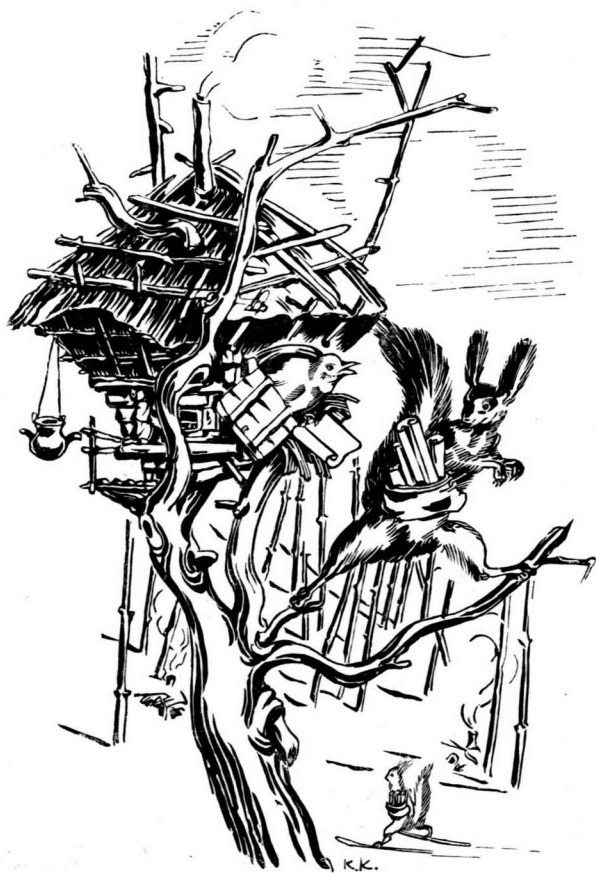
Уж так устроила природа —
Трусливей зайцев нет народа.
Зайчиха Марфа норку мыла
И, вместе с мужем, приносила
Обед и ужин для зайчат.
Все семеро, усевшись в ряд,
Приносики жадно ожидали
И в миг единый поглощали,
Хрустя зубами быстро, ловко,
Салат, капусту и морковку.
Так жили сытно, хоть и тесно,
Но в этот год, как всем известно,
Бедая настала: нет кормов.
Мне не хватает страшных слов,
Чтоб передать, как тяжело было,
Как все слабело, чахло, выло,
И как голодной смерти тень
По городам, средь деревень,
Бродила мрачно ночь и день.
От голодухи падал дух,
Слабели зрение и слух,
Медлились лапочки и ноги,
Труднились тропочки, дороги.

2.

Медведь Пармен уже два года
В лесу сидел, как воевода.

Народ звериный им доволен:
Смел, справедлив он, хлебосолен;
И порешили: без хлопот
Переизбрать на третий год.
В своей берлоге воевода
Задумал думу: „Дух народа
Поднять я должен в краткий срок,
Чтоб он совсем не изнемог“.
Он громко рявкнул: „Эй, писец!“
И появляется песец.
Заткнуто за ухо перо,
Одет прилично, не пестро,
И был гораздо он милей
Всех человеческих писарей.
„Бери древесную кору, —
Медведь ревет, — дай пить перу,
Пиши. В лесах, в полях, в бору,
В гнездо и в каждую нору,
На самом дальнем расстояньи,
Проникнет пусть мое воззвание.
Уж потрудись: полезный труд,
А белки завтра разнесут“.
И на другое утро рано,
Средь неосевшего тумана,
Как тени, белки замелькали,
И в норы, гнезда растаскали

26
Они парменово воззвание.

Стук - стук! „Извольте... до свидания!“

И вновь с верхушек на верхушки

Мелькали хвост, глаза и ушки.

Явилась к Тишке белка тоже.

„Уж ты на лапках? День погожий.

Вот, получи: шлет воевода

Воззвание ко всему народу.

Тебе - то вряд ли пригодится:

Тут про героismo говорится“.

Зацокала и прыг на ветки!

А к Тихону сбежались детки,

Зайчиха тоже подошла.

„Какие тут у вас дела?

Что принесла тебе Рыжутка?“

А Тихон ей: „Ох, Марфа, жутко,

И сам не свой я. Вот расстройство!

Медведь здесь пишет: за героismo

Приказ получит казначейство

Кормить героя и семейство“.

Зайчиха — женщина, конечно:

Она добра, но и беспечна

И отвечает в тот же миг:

„Чего ж ты, Тишенька поник?

Героismo соверши скорей

И будь спокоен за детей“.

— „Уж постараюсь я, да только
Геройство проявить изволь-ка!“ —
Зайчишка шепчет. — „Ох, грехи!“
И уши вниз, как лопухи.
Ночь. Отдохнуть бы — плохо спится,
И нехорошее все снится:
То вдруг ружье блеснет и — щелк!
То вдруг зубами стукнет волк,
То, зашуршав в кустах, лисица
Глазами хитрыми косится.
Проснется, вздрогнув. Нет, все тихо.
Тепло и мирно спит зайчиха,
И, точно клочья серой ваты,
Вокруг нее лежат зайчата.
Спокойно спят, а как проснутся, —
И неприятности начнутся:
„Капустки, папочка, морковки!“ —
С мольбою подняты головки. —
„Ты нас уморишь в самом деле:
Лишь корни гложем три недели“.
Зайчиха тоже пилит нежно:
„Относишься к семье небрежно.
Другой бы проявил геройство:
Ведь это же навек устройство“.
И раздражаться начал Тишка:
„Да что я — заячий мальчишка!“

Как быть героем? К людям, что ли,
Итти в дома по доброй воле,
Иль совершенно духом пасть
И без оглядки, к волку в пасть? “
Усами дергает зайчиха
И морщит нос. „Ох, будет лихо!
Глава ты, поступай, как хочешь,
Но, если ты не похлопочешь,
То мне с детьми придет конец.
Не забывай, что ты отец “.
— „Опомнись, Марфа! Ведь жена
На помощь мужу создана,
А ты со мною так жестока:
Дня не проходит без упрёка.
Ведь сердце без того с тоски
Вот так и рвется на куски.
Всю ночь не сплю я до утра.
Сменить бы шубу мне пора,
Да надо корм вам доставать
И даже некогда линять.
Пошарю — побегу в лесу,
Быть-может, что и принесу,
А ты, пожалуйста, не плачь! “
И Тихон припустился вскачь.
Бежал-летел, как пыль за возом,
Иль как дымок за паровозом,

И на опушке, там, где ельник
Чернел и пень, как старый мельник,
Белел — не от муки, от снега, —
Наш Тихон наскочил с разбега
На что-то темное в снегу.
Отпрянул, сжался, ни гу-гу!
Пред ним лежит облезлый, тощий...
Не волк — скорее волчьи мощи.
Вся шерсть как войлок сбилась грязный.
Какой костлявый, безобразный!
На зайца вея мертвой жутью,
Мерцает взгляд свинцовой мутью
Устало, слабо и недобро.
Дыханье поднимает ребра.
Скривившись, словно коромысло,
Нога разбитая повисла,
И весь несчастный, страшный вид
Про долгий голод говорит.
Увидел Тишку, шевельнулся,
Мочалой желтый хвост мотнулся,
Хотел — не мог поднять ноги
И слабым воем: „Помоги!“
А Тишка думает: „Ой-ой!
Да кто же это предо мной?
Сам кровопиец и злодей,
Гроза всех зайцев, волк Гордей!

Уж вот, могу сказать, сюрприз...
Он деда моего загрыз,
Живьем съел братца Прыгуна,
И гневом вся душа полна!
Теперь валяется без сил,
Знать, наконец - то рок убил!
Не разорвет меня на части,
Уж где! Теперь в моей он власти.
Я созову других зверей —
Не сдобровать тебе, Гордей! "
А волк лежит, чуть слышно воя,
Поводит слабо головою
И, пасть оттягивая вниз,
Как неживой, язык повис,
Весь серый, чуть заметна алость.
И в злобе замерцала жалость.
Так на стебле шипистом в срок
Вдруг распускается цветок.
Шагнул зайчишка, поднял ухо,
Сбежать? Нет, не хватает духа:
Холодная настанет ночь,
И волк помрет... как не помочь!
„Ну, будь, что будет — помогу“ .
И смело подошел к врагу.
„Что, брат, приходится несладко?
Совсем не прежняя повадка!

Зачем здесь лег? Не я — другой
Придет — убьет. А что с ногой? “
С трудом вобравши в пасть язык,
Волк прохрипел: „Зашиб мужик
Мне ногу. Я плелся овражком...
Боялся выть... В томленьи тяжком
Упал... Лежу здесь пятый день
И все гляжу на этот пень..
Иль сам от голода помру,
Иль пришибут здесь на юру “.
— „Вот что! Попал же ты в беду...
И где добыть тебе еду?
Ведь не едят кореньев волки...
Даст ягод пять кустарник колкий,
Да ягоды тебе не гожи,
Трава и мох и листья — тоже “.
— „Умру... — волк прохрипел, — нет силы “.
И заяц перед ним унылый
Сидел, не зная, что сказать,
Зачем остался, как сбежать.
Вдруг крикнул: „Вспомнил, знаю где...
Могу помочь твоей беде!
У рощи, там, валялась падаль,
К тебе ее стащить не надо ль?
Поешь, так все же будет толк “.
— „Тащи! “ прохрипнул слабо волк.

Да, голь на выдумки богата:
Чтобы спасти врага и брата,
Из рощи Тихон приволок
Теленка павшего кусок.
Увидев падаль, волк завыл,
И этот вой ужасен был,
Как сумасшедших резкий смех.
На Тишке дыбом встал весь мех
Бежать хотел он, но сдержался
И только весь к земле прижался.
А волк, поевши, просит пить.
Опять забота: как тут быть?
Неподалеку есть вода,
Да в чем нести-то? вот беда!
И шнырит заяц здесь и там
Среди корней и по кустам.
Казалось трудно — стало просто:
Лежит ведро из бересты.
Назад дней двадцать детвора
Шла по бруснику здесь с утра,
Из родника все воду пили,
Ведро-то и обронили.
У Тишки глаз косой, но зоркий,
И тащит он с водой ведро.
Таскал не раз он и не два
И успевал таскать едва,

Задохся, даже весь вспотел,
А волк еще все пить хотел.
Последний сделавши глоток,
Причмокнул: „Ну, и родничок!
Тут поневоле выпьешь лишку.
Дай бог тебе здоровья, Тишка!
Теперь, пожалуй, не умру
И ковылять смогу к утру“.

— „Ну, — молвил Тишка, — понемногу
И я пушуся в путь-дорогу“.
Но волк завыл: „Постой, постой!
Ты, Тихон, заяц не простой,
Всю жизнь забыть я не смогу:
Как другу, ты помог врагу
И внял душой чужому горю“.
— „Что я помог тебе — не спору,
Но слаб ты, съесть меня не мог...
Тебе и всякий бы помог“.
— „Нет, зайцев много пробегало,
Я звал, но толку было мало.
И, не взглянувши, сгоряча
Все задавали стрелача.
Потом гляжу — идет лисица.
Я ей кричу: „Спаси, сестрица!
Ослаб я, не поднять ноги.
Ты хоть немного помоги“.
Она в ответ: „Гордеич милый,
Сама я, веришь ли, без силы,
И надо мне бежать скорей,
Чтоб пару уток иль курей
Добыть. Нарочно встала рано.
Быть-может, и гусей достану.
И принесу все без обмана.
Друг другу надо помогать“.

И шмыг скорее через гать!
Ведь у лисицы ложь да шутки:
Я жду ее вторые сутки,
Ну, а тебя не похвалить
Нельзя: сумел ты зло забыть
И пересилил страх природный.
Ты парень очень благородный.
Я сделал зла тебе немало... "
— „Что вспоминать: уж миновало! —
С глубоким вздохом молвил Тишка,
Сам вспомнив деда и братишку. —
Я об одном прошу, Гордей:
Не загрызи моих детей! "
— „Не загрызу — спокоен будь, —
Ответил волк. — Счастливый путь! "
И заяц побежал домой.
А волк, поникнув головой,
Глубоко в думу погрузился,
И целый мир вдруг отразился
В оживших огненных глазах.
Все те, в ком вызывал он страх,
Когда б его теперь видали,
Едва ли б волка в нем узнали,
Была светла его тоска,
Мысль улетала за века,
Тысячелетия назад.

Мечтой он видел дивный сад.
Как сладостно вздыхают кущи!
Он бродит по траве цветущей,
И, смертным страхом не томим,
Ягненок бродит рядом с ним...
Сквозь леса черные сплетенья
Зари вечерней гасли рденья
И темный ветер потянул.
Волк поднял голову, взглянул
На звезды, широко зевнул
И, лапы подобрав, заснул.

3.

Через три дня стучится смело
К Пармену волк. „Впусти, есть дело“.
— „Гордей почтенный, что такое?
Я твоего не слышал воя
Давно. Как ты изволишь жить
И чем могу тебе служить?“
— „Еще живу я, слава богу“.
— „А почему волочишь ногу?“
— „Все расскажу... позволь мне сесть:
Я слаб“. — „Прошу... А хочешь есть?“
— „Нет, дело у меня иное:
Ты знаешь, я нашел героя“.
Волк сел и начал свой рассказ.
Медведь его прервал не раз

Вопросом, кратким замечаньем
И одобрительным рычаньем,
А под конец сказал: „С тобой
Согласен: Тихон наш — герой“ .
— „Семья у зайца пребоольшая, —
Заметил волк, — себя лишая
Всего, питает он зайчат,
В лесу все звери говорят.
Народная правдива речь,
И ты зайчишку обеспечь,
Как обещал в своем воззваньи“ .
— „Назначу общее собрание, —
Медведь решил, — и в тот же час
По казначейству дам приказ“ .

4.

На завтрак Тишка сгрыз мочалу,
И по кишочкам забурчало.
В обед — промерзлая трава,
И разболелась голова.
Прилег он. Вдруг шаги и стук.
„Кто там?“ — „Впусти! Иван барсук.
Меня к тебе шлет воевода.
Какая б ни была погода,
Явись на общее собрание
В три завтра к дубу. До свиданья!“
Вскочил зайчишка. „Стой, Иван!

Ошибка это иль обман:
Я на собраниях не бываю
И ничего не понимаю
В делах. Зачем меня зовут?
Недоброе я чую тут...
Да ты постой!.. “ — „Стою, стою.
Тревогу чувствую твою,
А как помочь тебе — не вижу.
Гордей — его я ненавижу —
Тут замешался не с добра:
Он у Пармена был вчера “.
Зайчиха Марфа осмелела:
„Да ты скажи, Иван, в чем дело?
Кому, зачем мой Тихон нужен?
Миролюбив он, безоружен,
И весь народ звериный знает:
Он никого не обижает “.
Зайчата тоже запищали,
Гордеем их всегда стращали:
— „Куда зовешь - то завтра в три?
Ох, дядя, папу не бери! “
— „Вы не расстраивайте папу, —
Сказал барсук, поднявши лапу. —
И так он похудел у вас.
До завтра, Тихон, добрый час! “
Ушел. Зайчиха Марфа плачет:

„Зачем зовут? Что это значит?
Уж больно ты, Тихоня, прост:
Тебе любой откусит хвост.
Все волк, не без его затей!“
— „Он обещал не грызть детей“.
— „А вот тебя так загрызет“.
— „Да нет, заступится народ“.
Но сам зайчишка не спокоен:
„Зачем так злобно мир устроен!
Жену мне жаль, зайчат мне жалко...
И эта гадкая мочалка!“
На ужин съел он листик вялый
И спать залег больной, усталый.
Ночь длится, длится, не проходит,
А мысль тревожная все бродит
В лесу. „Ох, не возьму я в толк,
Зачем зовут, при чем тут волк?“
И Марфа слышала не раз,
Как тихий вздох во мраке гас.

5.

Под дубом шумы и движенья,
Вой, шмыги, прыги, рев, круженья,
Без счета лап, хвостов и крыл,
Рогов и клювов, спин и рыл.
Средь гула слышны разговоры:
— „Таскали мы, бывало, в норы

И делали к зиме запас,
А где же взять на этот раз? "
— „ Не только что у нас, зверей,
Едобы нет и у людей “. —
„ Припрятаны зерно и крупы,
И люди стали злы и скупы “. —
„ Орехов лучше не ищи:
Нашла семь штук — одни свищи! “
Пичуги прыгали кругом.
„ Чей, чей ручей? В чьем пьем? В чьем
пьем? — „ Так, так: нам нечет, а вам — чет! “
— „ А на чей счет? А на чей счет? “
И в раздраженьи и в печали
Вороны горбились — кричали:
„ Прокралась, краля? “ — „ К краю, к краю! “
— „ Все скрали... Крах по всему краю! “
Прокаркал ворон: „ В краткий срок
Кругом все рухнет — это рок! “
А бык ревел с самим собой:
„ Зар-е-е-жут скор-р-ро!.. На
убо-о-ой! “
Пришла лисица на собрание.
„ Ужаснейшее состоянье:
Не сплю я ночи напролет,
Про бедный думая народ!

Забыла, курица как пахнет.
Все жду, когда охотник трахнет,
Убьет меня ружья свинец.
И не боюсь: один конец.
Я отрешаюсь от земли...
А что, героя не нашли? "
— „Уж до героев ли теперь! —
Кабан прохрюкал. — Каждый зверь
Забыл и думать про геройство:
Не жизнь — сплошное беспокойство “.
— „А для чего ж созвал Пармен?
Объявит про героя он “.
— „Врут, врут... В героя я не верю,
И не дано геройство зверю “.
Ушами встряхивал кабан.
„Груб зверь, груб, груб... Грызня, обман! “
Из норки выполз старый крот.
„Чего вы спорите, народ?
Я знаю — слышал от детей —
Нашел героя волк Гордей “.
— „Гордей? Он жив? “ — лиса спросила. —
„Не даром я судьбу молила:
Услышана молитва — жив! “
И вот, минуту улучив,
И незаметно, втихомолку
Протиснулась лисица к волку.

„Гордей Гордеич дорогой,
С больною справился ногой? “
— „Ты, Леонидовна, нишкни!
Где куры, гуси? Где они? “
— „Гордеич, честное, вот, слово,
Я принести была готова,
Да люди сами еле живы,
От них ты и не жди поживы,
И можем мы — такая страсть! —
К ним, вместо кур, на стол попасть.
Да вот, к примеру, наш барсук,
Толстун Петрович — скрылся вдруг.
Иван, что у Пармена служит,
О брате плачет, воеет, тужит.
Послали белок на разведки,
И, с веток прыгая на ветки,
Они узнали все, как есть:
В курятник он хотел залезть... “
— „И что ж? “ — „Собаки увидали,
Набросились... “ — „И разорвали?
Обычное в подобном деле “.
— „Да не собаки — люди съели! “
— „Чтоб люди — барсука? Навряд! “
— „Не знаю, белки говорят “.
Лиса головку наклонила
И даже слезку уронила.

„Такая, знаешь ли, тоска,
Как вспомню я про барсука!“
И, помолчав: „Вот что, Гордей
Гордеич, ты ведь — чародей;
Сумел героя разыскать,
Не можешь ли его назвать?
Я от других, конечно, скрою,
Как имя этого героя?
От любопытства я сгореть
Могу — ты должен пожалеть“.
— „Когда от голода и боли
Я выл, ты пожалела, что ли?
Нет, подожди! Твоих я уток,
Гусей и кур ждал двое суток.
Сейчас откроется собрание...
Пармен и скажет. До свиданья!“
— „Разважничался... Бог ты мой!
Да уж не ты ли сам герой? —
Шипела, злобствуя, лисица. —
Извольте с ним всегда делиться
Что я — жена ему, мать, дочь?“
Бочком — и ушмыгнула прочь.
Кругом убыстрелось движение.
Гул, рокотавший в отдалении,
Стал близиться, расти и, вот,
Пронесся крик: „Пармен идет!“

Медведь взошел на возвышенье,
Ждал, чтоб утишилось волнение
И, поклонясь всему собранью,
Ревнул: „Открыто заседание!“
Потом подробно рассказал,
Как волк героя отыскал,
И ясно, веско и толково
Звучало воеводы слово.
Он так закончил речь свою:
„Наш Тихон — я на том стою —
Герой, не потому, что смел,
А потому, что он сумел
Всем тем страстям, что в звере есть,
Большую жалость предпочесть.
Он на героя не похож:
Он скромненький, слаб и мал, так что ж!
Когда кругом вражда, разруха —
Всего нужней герои духа.
Теперь почтенное собранье
Решает пусть: дать приказанье
Чтобы кормило казначейство
И зайца и его семейство?“
И был, как гром, народный глас!
„Отдать приказ! Отдать приказ!“
Медведь взглянул! „А, вот и он!
И что-то очень удручен“.

Народ замолк и расступился,
И на тропинке появился
С унылым видом сам герой.
Он шел пугливо, как сквозь строй.
Приблизясь к дубу, бил поклон
И пискнул: „Виноват, Пармен!
Как опоздал — не знаю сам“...
— „Да, да, по солнечным часам, —
Сказал медведь; — не пять ли скоро,
Но говорю не для укора,
Ты, Тихон, скорбных морд не строй:
Теперь ты — признанный герой.
Волк все поведал нам, и вот
Тебя одобрил весь народ“.
А Тишка думал: „Это сон:
Собрание, волк, медведь Пармен,
Мочалка ль, мерзлая ль трава
Виной? Кружится голова,
Так и захватывает дух,
И, радостью волнуя слух,
Звучат торжественно слова:
„Что объявил я, ты ведь знаешь?
Из казначейства получаешь
Ты с этих пор для всех зайчат
Морковь, капусту и салат.
С детьми должна зайчиха-мать

Все это также получать,
А ты, семью свою любя,
Не забывай, брат, и себя “.
Зайчишка верил и не верил,
Огромность счастья сердцем мерил
И лапку к мордочке поднес,
Чтобы никто не видел слез.
Потом сказал: „Благодарю!
Но эту раннюю зарю
Хотел бы встретить я с семьей.
Пусти меня, Пармен, домой! “
— „Иди! — ответил воевода. —
Ты знаешь — для зверей свобода
У нас везде, во всем, всегда.
Тебя отпустим без труда “.
Поклоны Тишка всем отвесил
И, легок, радостен и весел,
Пустился в недалекий путь,
Чтоб счастье всей семье вернуть.
Мерцает инеем тропинка,
Мелькает серенькая спинка,
Закинута на спинку уши,
А гул народа глуше, глуше...
И в тихом зареве герой,
Как дым, растаял за горой.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

Боченок	3
Герой	21

Прим. 1309

94408

НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА
ДОМА ДЕТСКОЙ КНИГИ
ДЕТГИЗА

1р 25к

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ГЛАВНОЕ УПРАВЛЕНИЕ □ МОСКВА □ 1923